Magister

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В.К. Батурин

ЮНИТИ
UNITY

В.К. Батурин

Социология образования

Рекомендовано Учебно-методическим объединением по образованию в области социальной работы в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Социальная работа»

Рекомендовано Учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социология»

Рекомендовано Научно-исследовательским институтом образования и науки в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социология»

ЮНИТИ
UNITY
Москва • 2017

УДК [316.74:37](075.8)
ББК 60.561.9я73-1
Б28

Рецензенты:
доктор физико-математических наук *В.Н. Савченко*
(профессор Тихоокеанского государственного экономического университета)
доктор физико-математических наук *В.П. Смагин*
(зав. научно-исследовательской лабораторией
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса)

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Батурин, Владимир Кириллович.

Б28 Социология образования: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Социальная работа» / В.К. Батурин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 191 с. — (Серия «Magister»).

ISBN 978-5-238-02143-0

Агентство CIP РГБ

Представлен широкий спектр современной проблематики социологии образования — от теоретико-методологического анализа институционально-ценностной природы и сущности образования до практически значимых вопросов развития и модернизации социального образования в современной России. Особый акцент сделан на выявлении устойчивых закономерностей развития социологии образования, образования как важнейшего социального института. Учебный материал систематизирован в форме общей целостной институционально-аксиологической модели социологии образования в современной России, основанной на системном учете экономических, социологических, аксиологических, национально-культурных и идеологических аспектов развития российского образования.

Для студентов и преподавателей вузов, социальных работников, управленцев и практических работников системы образования.

ББК 60.561.9я73-1

ISBN 978-5-238-02143-0
© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2011
Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (ФЗ № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г.). Воспроизведение всей книги или какой-либо ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.
© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2011

Введение

Учебный курс «Социология образования» входит в учебный план в качестве обязательной дисциплины для студентов по специальности 521200 «Социология». Его содержание крайне важно для понимания роли и значения образования для современной цивилизации в качестве одного из основных социальных институтов и особой социальной реальности.

В социологии образования раскрываются фундаментальные содержательные аспекты феномена образования — философский, исторический, социально-психологический, управленческий, педагогический, идеологический, аксиологический и др. Полноценное изучение социологии образования крайне важно и для качественного понимания образования как относительно целостной системы в координатах «структура — функция» и «вход — выход». Социология образования уделяет пристальное внимание вопросам аксиологии образования, и в данном учебном пособии их анализу посвящена отдельная глава.

В учебном пособии особое внимание концентрируется на понимании образования как социального конструкта и образования как ценности. Что здесь имеется в виду? Поясним данный тезис более развернуто.

Для современной России, стремящейся как можно быстрее преодолеть все то негативное и, скажем прямо — катастрофическое, что с ней произошло в 90-х гг. XX в., принципиально важно восстановить полноценный социальный капитал своего развития. Огромное число социально-экономических, духовно-нравственных, образовательных, демографических и иных проблем в нашей стране порождены именно тем, что в «лихие» кризисные времена Россия, наряду со многими тяжелыми потерями, по оценке известного экономиста Всемирного банка Дж. Стиглица[1], прежде всего утратила значительную часть своего уникального и ценного социального капитала, выражавшегося в высокой степени общественной солидарности советских людей, в их масштабной взаимопомощи и поддержке, наконец, в простом человеческом доверии друг к другу. Сегодняшние проблемы развития России, благополучия ее общества во многом являются следствием того грандиозного разрушения целостности когда-то достаточно единого и монолитного социума страны, следствием тяжелого поражения и глубокой деформации ранее привычных для большинства людей социальных ожиданий,

[1] *Стиглиц Дж.* Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // Экономическая наука в современной России. 2001. № 4. С. 144.

общепринятых ценностей, жизненных и мировоззренческих установок и т.д. Подобного рода «тонкие» материи здорового и успешного социума необходимо незамедлительно восстанавливать активной социальной работой, масштабным социальным образованием, вовлекая в этот созидательный и духовный процесс нового творения национального социума миллионы и миллионы граждан. Все эти вопросы также являются предметом исследований в социологии образования.

Сразу следует отметить, что в настоящем пособии предлагается принципиально новое содержание понятия «*социальное образование*», под которым следует, на наш взгляд, понимать совокупный образовательный процесс и его результат, который осуществляется всеми системно-структурными составляющими социума в отношении всего его состава. Иначе говоря, социальное образование — это принципиально целостный, синергетический по своему сущностному смыслу социальный феномен, порождаемый существованием и активностью социума во всех его проявлениях и в отношении всех и каждого члена этого общества.

В социальном образовании осознанно или нет, с позитивным или негативным для общества итоговым результатом, но участвуют абсолютно все социально-структурные элементы — государство, большинство населения страны, все предприятия, власть всех уровней, СМИ, учреждения культуры и спорта, армия, идеология, искусство, правоохранительные органы, криминалитет, политические партии, формальные и неформальные организации, семья, религия и другие социальные структуры. Социальное образование опирается на предельно широкую институционально-ценностную основу — на социум в целом, на собственный Народ, на его историю, культуру, ценности, традиции, идеалы. Онтология социального образования по своему разнообразию и объему совпадает с разнообразием и объемом самого социума — Народа.

Социальное образование принципиально отличается от образования (формального образования), под которым, как известно, понимается деятельность и результаты особого, отдельного социального института образования как некой отраслевой системы учебных учреждений разного уровня и назначения, которая осуществляет свои образовательные практики в отношении, прежде всего и главным образом, к подрастающему поколению. Различение двух этих модусов образования в социологии образования, на наш взгляд, принципиально важно и значимо.

Содержание и проблематика двух образовательных модусов — *формального* и *социального* — главный предмет и задачи социологии образования. В учебном пособии анализу предмета социологии науки, ее понятийному аппарату, теоретико-методологическим аспектам развития и другим подобным вопросам также отведено значительное место.

Образование (формальное образование) — всего лишь малая часть образования социального, которое сразу же может превращаться в свою противоположность (в торговлю дипломами докторов наук, например, на станциях метро), в неэффективно и действительно лишь формально

функционирующий социальный институт в условиях полного или частичного отсутствия в развитом и целостном, всеобщем и принципиально согласованном, гармоничном и симфоничном виде именно социального образования. Можно утвердить это положение более жестко: в отсутствие социального образования формальное образование принципиально не эффективно и разрушительно. Образование по своей природе — двухслойно: главное — социальное образование всегда выполняет роль мощной подложки, фундамента, роль мощного оркестра, на основании которого может осуществлять свою роль построенного здания, замечательного музыканта, солиста и т.д. образование формальное. Разрыв этого социального единства — прямой путь построения «марсианского» образования, такого образования, которое никому не нужно — ни стране, ни ее народу. Это значит, что для полноценного и всестороннего развития любой страны, особенно современной России (после того, что она претерпела в последние свои двадцать лет), принципиально недостаточно формального, отраслевого образования. Все дело в том, что образование (формальное образование) в отличие от социального образования может быть полностью или частично оторванным от своей истинной — принципиально народной, принципиально культурно-национальной институционально-ценностной основы, от своей истинной онтологии.

Такое узковедомственное образование — Часть, оторванная от социума — Целого, потенциально находится в таком состоянии, которое, к сожалению, позволяет ему быть пристегнутым, укорененным на любое, самое непотребное основание, либо кем-то произвольно или злонамеренно выдуманное, либо злонамеренно заимствованное. Болонская конвенция как основание, например, которая к России, к ее истории, к ее культуре, к ее ценностям и идеалам, к ее многовековой системе социального образования никакого отношения не имеет даже в принципе. Социальное образование России, в котором простые няни, якобы неграмотные, могли воспитать гениальных поэтов и полководцев, — такое образование совсем другое, нежели образование по-болонски. Онтологическую, институционально-ценностную суть построения ныне имеющегося образования можно легко и адекватно передать словами известной поговорки: «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька».

Нашу Великую Страну поднять до необходимых высот ее развития может только Настоящее Отечественное Социальное Образование, которое у нее всегда, из века в век... было! Великолепными, гармонично взаимосвязанными элементами этого Настоящего Отечественного Социального Образования были русская община, крестьянская семья, любой гражданин — поэт, писатель, ученый, журналист, рабочий, люди власти и государства, военные, няни, матери и отцы, братья и сестры, священнослужители. Все это Люди из большой российской системы Общего Социального Национального Образования. Эта система продолжала свою созидательную работу и в советские времена. Это она в том числе подняла вместе со своими воинами знамя на рейхстаге; это она — советская, но по прежнему национальная социальная система

образования — возвысила из маленького города Гжатска Ю.А. Гагарина в бесконечный космос, это она формировала замечательный социум, о потере которого сожалеет даже Дж. Стиглиц, как это нами было отмечено в самом начале данного введения.

Что мы имеем сегодня? Какой реальный прок от формального образования, если то, что дадут в учебных заведениях страны в качестве определенного образовательного продукта тут же будет убито, размазано, уничтожено другими социальными элементами нынешнего российского «социума» — коррупционным чиновником, пошлым и наглым телевизионным ведущим разрушительных трансляций на всю страну, эстрадным артистом, полностью перешедшем в своем «творчестве» на сплошной мат? Какие образовательные ценности можно сформировать в сознании подрастающего поколения в условиях, когда оно хорошо видит, что образование в нашем обществе вообще ничего не стоит и лучше всего сразу же выбрать такие замечательные и «хлебные» профессии, как бандит, проститутка, киллер?

Развитый социум в стране, население которой в своем подавляющем большинстве не участвует ни в какой социальной работе, ни в каком социальном образовании, ни в каких-нибудь других цивилизационных практиках вообще — общественных, политических, культурных, национально-патриотических и т.д., — такой развитый социум просто невозможен. В этом отношении формирование социальной реальности подобно выработке электрического тока, который производится генератором только при соответствующем вращательном движении ротора; если же подобного движения нет, не будет и никакого тока. Генератором, производящим то или иное общество, наделенное теми или иными свойствами и определенностями, прежде всего институционально-ценностными, является активная часть социума, народа, которая вовлечена в разные формы созидательной (или разрушительной) общественной деятельности — в процесс социальной работы в широком смысле этого понятия. Социум — результат согласованных, причем именно динамических, усилий его членов по достижению общих для всех общественных целей в полном соответствии с ценностями и идеалами, национальными идентичностями (менталитетом) и культурой данного народа.

Общество всегда либо вырабатывает свою собственную институционально-ценностную конструкцию — собственную социальную онтологию, либо довольствуется чужой — заимствованной или насильственно навязываемой (последний вариант, на наш взгляд, соответствует именно современной Российской Федерации, которой в 1990-е гг. очень жестко, невзирая на интересы и ценности самого народа, постарались «привить» либерально-рыночные идентичности).

Как уже было отмечено, в 1990-е гг. разрушительным воздействиям был подвергнут весь общественный строй, в том числе его институционально-ценностный онтологический каркас. Основой институционально-ценностной конструкции советского типа социума, его социалисти-

ческой корпоративности, как известно, выступали базовые экономические структуры — промышленные и сельскохозяйственные предприятия, а также элементы так называемой «моральной экономики» с сильным идеологическим компонентом, включающим и единство интересов всех членов большой и малой корпорации — соответственно общества в целом и самого предприятия. Именно хозяйствующий субъект, определенное предприятие предоставляло своим работникам жилье, социальные и образовательные услуги, отдых, лечение и т.д. Оно же инициировало и организовывало достаточно масштабную социальную активность не только в пределах самого предприятия, но в соответствующем городе, микрорайоне, области и т.д.

Произведенная в 1990-е гг. муниципализация социальной сферы не стала полноценной институциональной заменой для той системы, которая у нас была в СССР; она была лишь авантюрно и варварски разрушена тремя волнами приватизации, грубейшими просчетами в осуществлении экономической и социальной политики, в работе органов власти и структур местного самоуправления.

В конечном итоге разрушить старую социальную систему удалось более чем в полной мере, а вот создать что-нибудь действительно достойное и масштабное в качестве ее адекватной замены пока не удалось совершенно. Решение всех этих институциональных и аксиологических задач формирования современного российского общества, в том числе с помощью системы социального образования — предмета исследования в данном пособии, — еще только предстоит осуществить нашими общими, скажем прямо — весьма непростыми усилиями. Всем нам предстоит построить качественное иное, научно обоснованное, национально-центричное социальное образование, решив принципиальные проблемы его организации, содержания, управления, кадрового и научно-методического обеспечения, причем на единой целостной институционально-ценностной, национально-культурной основе, как на фундаменте подобного рода конструкции, в полном соответствии с целями и задачами развития современной России в стремительно меняющемся мире.

Большинство рассмотренных обзорным планом вопросов социологии образования подробно представлены в настоящем учебном пособии.

Завершим данную часть нашей работы изложением общей логики всего учебного пособия.

В первой главе изложен необходимый для целей исследования теоретический анализ понятий «социальный институт», «социальная функция», «социальная дисфункция» и др., а также дана самая общая социально-экономическая панорама проблем образования современной России. Показано, что многие социальные институты страны, в том числе социальное образование в тех его содержательных смыслах, которые нами уже были отмечены выше, сильнейшим образом разрушены и переведены в режим своего дисфункционального состояния. Общим

инструментом подобной разрушительной «порчи» российского общества и его социальных идентичностей, в том числе социального образования, выступает рыночный фундаментализм, основные черты которого в этой главе будут основательно проанализированы.

Во второй и третьей главах на основе анализа основных социологических и аксиологических аспектов социального образования вскрывается социальная и ценностная природа происходящих в образовании процессов и явлений, результатом чего стало определение основных исторических трендов (инвариантов) в мировом развитии социального образования. В пособии обосновывается необходимость обязательного учета этих закономерностей исторического развития социального образования в научно обоснованном исследовании современных образовательных практик сегодняшней России, показана необходимость вовлечения в этот анализ относительно целостных и полных экономических, социальных, институционально-ценностных, духовно-нравственных, идеологических и других сторон социального образования в современной России. Особо подвергнуты анализу и принципиальной критике разрушительные практики российской модернизации образования.

В четвертой, заключительной, главе с опорой на национально-культурные и национально-аксиологические фундаментальные начала российской цивилизации представлена разработанная авторская институционально-ценностная модель российской национальной системы образования, сформулированы конкретные практические рекомендации по совершенствованию управления и развития этой важнейшей части созидания такой России, которая нужна всему миру и которая давно уже духовно и теоретически создана творческим гением ее лучших мыслителей-патриотов.

Глава 1

Образование как социальный институт

1.1. Социальный институт. Социальные функции и дисфункции. Институционально-ценностная онтология социума

Современная социология исключительно большое внимание уделяет изучению социальных институтов общества. «Понятию социального института принадлежит центральное место в системно-структурном анализе общественной жизни. Оно предполагает возможность обобщения, идеализации и абстрагирования из многообразных действий людей наиболее существенных типов социальных отношений путем соотнесения их с фундаментальными целями и потребностями социальной системы. В этом смысле социальный институт следует понимать как главный компонент социальной структуры, интегрирующий и координирующий множество индивидуальных действий людей, упорядочивающих социальные отношения в наиболее важных сферах общественной жизни»[1].

Социологи позаимствовали понятие «институт» у правоведов и наделили его принципиально новым предметным содержанием.

Под *социальным институтом* в современной социологической науке понимается совокупность норм и механизмов, регулирующих определенную сферу общественных отношений и являющихся базовыми элементами, на которых покоится общество[2]. Среди основных социальных институтов выделяют в первую очередь семью, образование, государство, производство, религию и т.д. Важнейшей сущностной стороной социальных институтов выступает их исторически сложившиеся и устойчивые формы организации совместной деятельности людей, регулируемой нормами, обычаями, традициями, другими механизмами[3].

Социальный институт может быть охарактеризован набором своих функций и дисфункций, учет которых крайне важен для осуществления управленческих воздействий, для организации социальной работы.

---

[1] *Комаров М.С.* Введение в социологию. М., 1994. С. 197.
[2] *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология: Учебник. М., 2006. С. 513—514.
[3] Там же. С. 576.

Функция — назначение или роль, которую выполняет определенный социальный институт, совокупность решаемых им задач, достигаемых целей, оказываемых услуг. Общество, например, не может существовать без пополнения все новыми поколениями людей, без производства средств существования и предметов первой необходимости, без обеспечения общественной безопасности и функции социализации членов общества, без решения культурных и духовных вопросов жизни общества.

Функции социальных институтов могут быть разделены на универсальные, присущие всем без исключения социальным институтам, и специфические, присущие только отдельным из них.

Например, воспроизводство новых поколений или наведение и поддержание порядка в обществе — это особые, специфические функции таких социальных институтов, как семья и государство.

Любое общество в своей жизнедеятельности и устойчивом развитии напрямую зависит от того, насколько эффективно исполняются социальные функции всеми институтами, насколько согласованно и гармонично отлажено их эффективное и взаимосогласованное взаимодействие, насколько гармоничным и целостным через единство и взаимодействие своих социальных институтов предстает это общество.

Каждое проявление общественной активности институтом, воплощенное в выполняемых им универсальных и специфических функциях, должно приносить обществу в целом определенную пользу для его существования и развития. В противном случае говорят о дисфункциях данного социального института — в том случае, когда социальная его активность приносит обществу вред вместо пользы. Например, если по ряду разных причин социальный институт «образование» не справляется со своими функциями и вместо пользы от просвещения и социализации такого пораженного в социальном смысле института обществу фактически наносится вред, тогда следует вести речь уже не о его функциях, а о дисфункциях данного социального института. Очевидно, что до тех пор, пока он будет находиться в режиме производства дисфункциональных своих проявлений, его функциональные генерации общественной активности будут поражены и деформированы, а общество в целом будет развиваться в социально-негативном, ущербном варианте.

Можно несколько по-другому определить сущность функции и дисфункции социального института, если за основу взять современный методологический подход к описанию и объяснению различных природных и социальных явлений и процессов — холистский. Тогда, учитывая, что целым в данных условиях научного рас-

смотрения является само человеческое общество как некое единство всех своих социальных институтов в их функциональных и дисфункциональных проявлениях, можно понятие «функция социального института» интерпретировать как меру его целостности, а понятие «дисфункция» — как меру разрушения целостности и единства этого социума. Имеются два абсолютно крайних и противоположенных варианта — «общество как совокупность только его функций» (идеальное, целостное и гармоничное общество, общество-мечта) и «общество как совокупность его дисфункций» (вряд ли такое полностью разрушенное общество имеет смысл называть обществом; назовем такое состояние минус-обществом). Между этими крайними общественными состояниями — абсолютно нормальным и абсолютно разрушенным — находятся промежуточные состояния непосредственно данного, реального общества, в котором частично сохранена целостность социума, а частично нет. Определяя в социальных институтах соотношение функциональных и дисфункциональных компонентов, можно осуществлять социологические замеры степени социальной нормы или, наоборот, социальной разрушенности, социальной патологии как данных социальных институтов, так и общества в целом.

В данном учебном пособии описанный выше методологический подход применен для анализа функционально-дисфункциональных состояний одного из важнейших социальных институтов — *образования как социального института, образования как объекта отраслевого управления, образования как инструмента осуществления социальной работы во всем ее глубинном смысле*.

Большинство социологов вслед за Миллсом согласны с тем, что главных социальных институтов всего пять — институт семьи и брака, государство, производство, образование, религия[1].

Один из самых древних социальных институтов — *институт семьи*. Семью можно определить как основанную на браке, кровном родстве или усыновлении малую социальную группу, члены которой связаны общностью быта, взаимной юридической и моральной ответственностью, взаимопомощью и особыми чувствами любви и потребности друг в друге[2].

Семья как социальный институт обладает такими важными функциями:

- репродуктивная, связанная с рождением детей;
- воспитательная, свойственная семье как средству социализации личности;

---

[1] *Фролов С.С.* Социология. М., 1994. С. 123.
[2] *Горелов А.А.* Социология: Учебник. М., 2006. С. 325.

- хозяйственно-экономическая, направленная на ведение общего домашнего хозяйства, экономическое обеспечение, накопление и наследование собственности и т.д.;
- досуговая, в рамках которой особенно широко удовлетворяется потребность в духовном и эмоционально-психологическом общении в свободное время;
- управления и первичного социального контроля;
- социально-статусная;
- производственная, которая переходит к профессиональным группам[1].

Социальный институт образования — целенаправленный процесс воспитания и обучения человека в интересах личности, общества, государства, результатом которого выступают усвоение индивидом систематизированных знаний, умений и навыков, опыта творческой деятельности, эмоционально-ценностного отношения к миру, достижение гражданином (обучающимся) определенных государством образовательных уровней (образовательных цензов)[2].

Важнейшими *социальными функциями* образования являются:

- социализация личности — продолжающееся всю жизнь усвоение культурных норм и освоение социальных ролей;
- приобщение к базовым социальным ценностям и практикам;
- участие в обеспечении вертикальной мобильности индивидов — перемещения их из одной страты в другую в результате образовательных социальных действий;
- участие в обеспечении определенными жизненными шансами индивидов — вероятность получить большие и лучшие жизненные блага (престижная и высокооплачиваемая работа, комфортная жизненная среда, собственное жилье и т.д.) благодаря достижению все более высокого уровня образования;
- профессиональная дифференциация — разделение населения по родам деятельности, занятиям и профессиям, в том числе в зависимости от уровня образования индивида, прежде всего профессионального;
- участие в обеспечении социальной мобильности — изменение индивидом своего статуса в соответствии (в том числе) со своим образованием;
- участие в процессах стратификации — расположение социальных слоев (групп) сверху вниз по признаку неравенства в доходах, уровне образования, объеме властных полномочий,

---

[1] *Горелов А.А.* Социология: Учебник. М., 2006. С. 325—326.

[2] *Полонский В.М.* Словарь по образованию и педагогике. М., 2004. С. 33.

профессиональном престиже и т.д. по различным, в том числе образовательным, факторам;

- участие в социальной интеграции — процессе объединения социальных явлений в единое целое — сосуществование различных элементов общества вместе, проявляющееся в создании единой для всех людей системы ценностей и идеалов, передающейся институтом образования[1].

Итак, любое общество как совокупность всех своих социальных институтов, всех своих элементов вообще составляет некое институционально-ценностное единство, некую социальную онтологию, в которой члены общества пребывают, взаимодействуют, действуют как в некоем онтологическом «доме», определенным образом приспособленным для реализации неких целей и ценностей, под какие-то главные деятельностные практики.

Спрашивается: какова институционально-ценностная онтология современного мира начала XXI века? Когда и кем она, эта онтология, была изобретена и построена? Под какие цели? Под какие ценности? Под какие социальные институты и в чьих интересах? Постараемся дать ответы — порой самые неожиданные — на все эти вопросы с позиций тех методологических и теоретических положений, которые были получены нами в результате специальных исследований этой проблематики.

В современной науке стало вполне общепринятым представление об обществе как о некоем огромном и сложном явлении, постоянно воссоздаваемом в духовном взаимодействии людей. Общество являет собой некий особый совокупный человеческий конструкт, творимый активными субъектами в многочисленных процессах социального взаимодействия[2]. Тогда вполне понятно, что в предельно широком смысле понятие «социальная работа» охватывает сам процесс производства социума на всех его этапах — конструирования, строительства, поддержания в устойчивом и динамичном, постоянно обновляющемся состоянии. Общество — итоговый результат, продукт соответствующих усилий членов социума, и если нет никаких общих усилий по его формированию в соответствии с определенными ценностями, целями, ментальностью, национальной культурой, то нет и не может быть никакого общества. Социум, социальная реальность изначально не задана, она онтологически может быть проявленной и до конца сформированной только разумными, целенаправленными действиями в рамках осуществления определенной социальной работы (в широком понимании этого понятия). Следует сразу отметить, что для адекватного понимания

---

[1] *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология: Учебник. М., 2006. С. 562—578.

[2] *Российская* социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 525.

социальных процессов и явлений принципиально важно исходить именно из методологии онтологического конструктивизма и той фундаментальной роли, которую при этом выполняют прежде всего институционально-ценностные начала как самой целостной социальной реальности, так и процессов ее генерации, производства, поддержания в устойчивом и эффективном состоянии. При использовании нового методологического инструментария конструктивного моделирования качественных определенностей современного общества и его соответствующих трансформаций важно иметь в виду концепцию автопоэзиса Варелы и Матураны, идей коммуникативного общества Н. Лумана, мощного исследовательского потенциала современной философии и синергетики.

Итак, о современной институционально-ценностной онтологии, главной особенностью которой является ее экономоцентризм, рыночный фундаментализм. Ныне господствующая онтология мира — это онтология, в которой подавлены, выведены из активного и полноценного функционирования практически все цивилизационные практики, кроме тех, что в той или иной мере связаны с этим главным институционально-ценностным началом — началом экономическим. Замечательными конструкторами онтологии современного мира — принципиально экономоцентричной, либерально-рыночной — под свои собственные интересы — были и до сих пор являются... торговцы, рабовладельцы, пираты, колонизаторы, «менялы» (теперь они банкиры), паразитарии всех сортов и мастей. Именно в их аксиологии и онтологии — в так называемой «экономике» — пребывает практически весь мир до сих пор. Теоретическая экономика как новоевропейский вариант принципиально неверного решения онтологических, а значит философских, а значит принципиально целостных и фундаментальных проблем, была применена для конструирования такой онтологии, которая «съежилась» до уровня крайне примитивного, одностороннего, узкого, принципиально частного моделирования мира, в котором авторы онтологии позволили остаться только одним, только экономическим началам. Все другие начала — культурные, нравственные, духовные, сакральные и иные — выставили за дверь принципиально экономического онтологического «дома», такого мирового онтологического порядка. Этот мировой институционально-ценностный порядок мирового обустройства социума, взаимодействия с природой многочисленными создателями новой онтологии социума — Т. Гоббсом, Дж. Локком, Д. Юмом, Гольбахом, Гельвецием, Мандевиллем, Н. Макиавелли, А. Смитом, Д. Рикардо и другими — был нацелен только на обслуживание эгоистических интересов отдельных индивидов — единственно возможных, согласно англосаксонской их модели, хозяйствующих субъектов. Подчеркнем еще раз прин-

ципиальную ошибочность либерально-рыночного англо саксонского методологического подхода к решению проблем онтологических построений. Как известно, такое принципиально неверное понимание хозяйствующего субъекта как отдельно взятого индивида теоретически было разгромлено еще в XIX в. учеными немецкой исторической школы экономики (Ф. Лист и др.), показавшими, что действительным хозяйствующим субъектом всегда является только народ данной страны в целом.

Совершенно не удивительно, а вполне закономерно, что и до сих пор действующая экономика, построенная на англосаксонских теоретических началах, ужасающе неэффективна с общемировым значением ее КПД не более 2%, как было отмечено на Генеральной ассамблее ООН в 2000 г. Такая онтология — экономика не может до сих пор всех людей на планете досыта накормить, дать качественное образование, обеспечить системное здравоохранение, увести от нищеты и деградации сотни миллионов человек и т.д. И сделать это она — экономика — не может вовсе не потому, что у человечества на это нет якобы необходимых ресурсов, а исключительно потому, что цели и задачи действующей онтологической (тождественно экономической) конструкции совершенно другие — обслуживать, создавать приемлемые условия человеческого существования только для ограниченной части населения планеты — для ее ведущих хозяйствующих субъектов, чаще всего давно забывших, что такое хозяйство и что такое труд. Одним словом — прежде всего для мировой касты паразитариев, роль которых в мировой социальной системе еще будет возможность проанализировать.

Особо следует остановиться на нашем принципиально новом, по крайней мере для нашего времени, глубинном понимании предмета экономики как... именно философии, или, что более точно, — на давно забытом всеми исследователями факте ее философского происхождения и сути. Это сегодня экономика и философия разведены в нашем сознании на максимальную дистанцию их предметного различия так, что сама заявка на преодоление экономического кризиса с помощью философии кажется неискушенным в этих проблемах чуть ли не бредом. Однако еще три столетия назад никого не смущало, что экономика была органической частью... практической философии и позиционировалась как сугубо этическая дисциплина. Сошлемся на хорошо всем известный факт: самый знаменитый экономист всех времени народов А. Смит был на самом деле именно философом — заведующим кафедрой нравственной философии университета в Глазго. Главным своим научным трудом А. Смит считал вовсе не свое «Исследование о природе и причинах богатства народов», а книгу по нравственной философии — «Теорию моральных чувств». Другой основатель экономической

науки — Дж. Локк также был философом, предложившим до сих пор сохранившиеся в теоретическом арсенале экономической науки во многом ключевые ее модели — «общества» и «экономического человека».

Экономика (повторим это еще раз) с самого момента своего рождения и до сих пор всегда была и есть некой частью философии. До новоевропейской исторической эпохи экономика была именно нравственной философией; по большому счету глобальный мировой кризис начался вовсе не сегодня, а именно тогда, когда начался кардинальный отход экономики от философии! Как же нужно было постараться извратить, подменить, чудовищно исказить предмет экономики как части философии за три этих последних века, чтобы получить сегодняшние реалии этой науки, а также печальную панораму большинства современных цивилизационных практик, которые экономика взялась теоретически обеспечивать, да не справилась. Ладно бы только это, академическую несостоятельность экономики можно было бы пережить. Главная беда нынешнего положения нашей человеческой цивилизации, ее институционально-ценностных онтологических конструкций принципиально в другом — на протяжении уже трех веков человечество пытается строить свои основные цивилизационные практики на фундаменте сугубо экономических начал.

Что такое экономические цивилизационные практики? При философском их анализе они оказываются самыми примитивными, самыми поверхностными, самыми фрагментарными и нелепыми, но тем не менее все же именно искаженно-философскими моделями человека, общества, мира, государства, целей и ценностей существования человека и его активности. Общим признаком для всех этих так называемых экономических, а на самом деле принципиально примитивных философских моделей является максимальная удаленность от настоящего их философского рассмотрения — глубокого, целостного, всестороннего.

Иначе говоря, то, что мировому сообществу нужно было обязательно делать с помощью истинной и глубокой философии, сделано и до сих пор делается на основе ее принципиально неверной и чудовищно искаженной подмены — на основе экономики. Образно говоря, экономика как онто-аксиологическая конструкция, обслуживающая только меркантильно-эгоистические устремления в человеке, стала тем средством отбора, фильтрации все наихудшего и нелепого, что тут же шло в конкретные человеческие практики, и наоборот, в них не допускалось ничего истинно философского-целостного, обоснованного, действительно разумного и духовно-нравственного.

Исторически так получилось, что экономика стала теоретическим средством строительства цивилизации из того наличного наихудшего, что имелось у человечества. И это осуществлялось при том, что во все времена присутствовало и наличное философское наилучшее, на которое при возведении цивилизационных конструкций миропорядка никто из сильных мира сего не обратил даже внимания! Парадоксально, но при анализе новоевропейских научных, в том числе экономических, инноваций создается твердое убеждение, что их творцы соревновались друг с другом в том, чтобы как можно дальше уйти от истины, даже от истины в форме элементарного здравого смысла. В качестве наглядного примера отметим бросающийся в глаза примитивизм базовых экономических моделей с точки зрения философии: общество, по Локку, — это якобы механистическое скопление атомизированных индивидов, главной сущностью которых является абсолютный эгоизм по отношению к себе и все подавляющая вражда в отношении к другим; человек, по Локку, — якобы совокупность трех сущностных начал: «оставаться в живых», «стремиться к чувственным удовольствиям» и «удовлетворять свою жадность». Никаких других начал в человеке якобы просто нет! Русский философ С.Н. Булгаков по поводу такого «моделирования» сущности экономического человека писал, что мы имеем здесь дело с представлением о человеке, который «не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками». И таких моделей в экономике — принципиально неполных, ограниченных, не выдерживающих никакой философской критики и тем не менее активно применяющихся вновь и вновь — великое множество. Перечислим только наиболее одиозные из них. Чего стоит в этом ряду понятие «рынок» как модель общества, в которой разнообразные, сложные, тонкие материи всего социального упрощены до примитивных схематизмов вокруг нескольких вопросов типа: Что производить? Сколько производить? Как производить? Как распределять произведенное? Как адаптироваться к изменениям ситуации? Это что, абсолютно все те вопросы, которые волнуют любого человека, ненадолго пришедшего в этот мир погостить?

А понятие «конкуренция»? Оно вместе с понятием «рынок» выступило главным структурообразующим началом построения современного экономического здания, которое сегодня на наших глазах разваливается в силу того, что ни рынок, ни справедливая и честная конкуренция, как давно уже доказано несколькими поколениями ученых, принципиально недостижимы, принципиально утопичны! Все попытки ученых построить теорию совершенной конкуренции, определив необходимые для этого условия, заканчивались лишь одним — обнаружением все новых и новых свидетельств о

принципиальной недостижимости хоть какой-либо конкуренции и об обязательном «сваливании» каждый раз понятия конкуренции в свою понятийную оппозицию — монополизм.

Напомним, что уже сам А. Смит, определяя необходимые для существования свободой конкуренции условия, отдает себе отчет в ее принципиальной недостижимости, поскольку вмешательство государства в экономическую жизнь, тайный сговор хозяйствующих субъектов и прочие помехи принципиально не могут быть устранены из экономических отношений.

В 1906 г. Г. Мур вскрыл пять «неявных» гипотез, которые в обязательном порядке должны быть соблюдены для обеспечения совершенного конкурентного поведения. В числе этих требований: установление одной цены на один и тот же товар на одном и том же рынке, минимальное влияние любого производителя на цену единицы продукции и т.п.

В 1921 г. Ф. Найт установил, что в концепцию совершенной конкуренции должны быть обязательно включены такие существенные факторы, как: полная мобильность всех экономических ресурсов при отсутствии затрат на их перемещение; постоянная изменчивость и безграничная делимость объемов работ и товаров; существование идеальной непрерывной и бесплатной взаимосвязи между всеми членами экономического сообщества; совершенная независимость каждого от всех других и т.п.; все эти факторы притом еще должны быть и абсолютно статичными.

Наконец, еще один ученый — Чемберлен доказал, что типичным продуктом так называемого свободного предпринимательства является не чистая, а принципиально монополистическая конкуренция, причем существенную часть свободного предпринимательства составляют попытки всякого предпринимателя воздвигнуть собственную монополию, распространив ее границы настолько, насколько это возможно в данных условиях.

Очевидно, что необходимые условия для построения совершенной рыночной конкуренции принципиально недостижимы и, следовательно, никакая экономическая система не может даже в первом приближении претендовать на их реальное воплощение. Тем не менее именно бесконечные сказки о справедливом конкурентном рынке, которого нет и быть не может никогда, либералами разных мастей вновь и вновь объявляются фундаментальными основаниями для построения экономических и политических программ и практик существования и развития человеческого общества.

Абсолютно прав известный американский ученый И. Валлерстайн, который в своей работе «Конец земного мира» очень резко отозвался о рыночных экспериментах в странах «догоняющего развития»: «...мошенники, более известные под именем “чикагских